

мен, известный во многих индоевропейских языках. Помимо баскского в Европе оно обычно для финского, где «пассив» напоминает ирландский [41, с. 137]. За пределами Европы подобные конструкции характерны для кавказских языков, эскимосского и некоторых семитских. В последних оно объясняется как субстратная черта, появившаяся, вероятно, как следствие воздействия берберских языков, в которых пассив также отсутствует [39, с. 317].

Благодаря исследованиям, проведенным за последние десятилетия в области синтаксиса баскского глагола, можно отметить, что и здесь отсутствуют типичные для индоевропейских языков пассивные формы. Баскскому, если исходить из порядка слов в предложении, присуще исключительно активное построение фразы. Другой существенной чертой баскского является то, что в этом языке генезис практически любого предложения предполагает особое эргативное строение (показателем эргатива во всех приведенных предложениях является форматив *-k*, присоединяющийся к агенту или пациенсу действия) назависимо от того, используется ли в предложении переходный (активный) глагол: *Piagresek egin du etxea* букв. «Пьер сделанным его имеет дом» или непереходный (стативный) глагол: *Piagresek egiña da etxea* букв. «Пьером сделанный есть дом» — эта конструкция рассматривается как нетипичная для баскского и как возникшая в результате контактов с романскими языками (Р. Лафон, Ю. В. Зыцарь). Таким образом, после того как получила развитие теория эргативности, точка зрения о том, что баскскому языку в целом присуще использование пассивных конструкций вместо активных, которой придерживались Г. Шухардт, А. Тромбетти и другие пионеры баскологии, уже давно не является правомерной. Говоря о «пассивности» баскского глагола (и в первую очередь о пассивности переходного глагола), обычно упускали из виду то, что он демонстрирует то архаическое состояние, когда пассивные и активные конструкции выражены в нем еще синкретично, что и является обязательной импликацией языков эргативного строя.

Исследуя исконные баскские конструкции, образованные с непереходным глаголом *izan*, Ю. В. Зыцарь приходит к выводу о том, что они не могут являться пассивными, поскольку для существования последних необходим агент действия, между тем как он отсутствует в такой, например, баскской фразе, как *ogia jan da* «хлеб съеден», букв. «хлеб съеденный есть», поскольку она не образуется от пассивной «романского» типа *ogia jan da aitaz* (*-z* в *aitaz* — показатель инструментального падежа) «хлеб съеден отцом», букв. «хлеб съеден есть отцом», а, минуя эту стадию, непосредственно из эргативной модели *aitak ogia jan du* (*-k* в *aitak* — показатель эргатива) букв. «отец хлеб съеденным его имеет» [14, с. 7]. Предложение *atea irikia da* не может быть переведено как «дверь открыта кем-то», а скорее «дверь открыта», что аналогично исп. *la puerta está, se ha abierto; se está abierto*, т. е. «дверь открыта никем» [14, с. 12]. Как отмечает Ю. В. Зыцарь, отсутствие каких-либо следов агента действия в «пассивных» образованиях басков особенно ощущается тогда, когда глагол стоит в настоящем времени: *emendik erri osoa ikusten da* «отсюда видно все селение», букв. «отсюда селение все в видении есть». Глагол стоит в форме герундия (*ikuste-n*). Подобные образования фактически являются безличными. В баскском любой глагол может быть употреблен как непереходный и как безличный, если он обычно выступает как переходный. Приходя к заключению о том, что безличные конструкции являются в баскском одной из форм, служащих для выражения пассивности, Ю. В. Зыцарь называет подобные образования «эргативным пассивом» [14, с. 7]. По всей вероятности, личная (активная) и безличная конструкции предшествовали пассивной, которая является их поздней трансформацией. Примечательно, что подобное положение признается и для праиндоевропейского глагола, в котором отсутствовал пассивный залог, появление которого относят лишь ко времени образования отдельных языковых групп индоевропейской семьи.